

В восьмой день четвёртого лунного месяца стояла прекрасная погода. Среди привычных Тан Юйхуэю плотных облаков ему вдруг почудилась та самая лазурь, что встретила его в первый день в Гардзе. Небо было таким пронзительно ясным, что захватывало дух, таким синим, что он чувствовал себя крошечным, чистым и безмятежным.

Родители Кан Чжэ ушли рано утром, а сам он, даже в такой день, не смог подняться с рассветом: они с Тан Юйхуэем выехали ближе к полудню. Под бескрайним синим небом Тан Юйхуэй, проникшись духом праздника, стал таким же светлым и ясным. Он мягко обнял Кан Чжэ за талию и вспомнил, как в третьем классе его отец Юй Чжэнцзэ начал гонять его по математике средней школы. Каждые выходные приходилось решать контрольную, и у него, в отличие от других детей, почти не было свободного времени.

В книжном шкафу Тан Жуй, его матери, стояла довольно потрепанная энциклопедия, испещрённая пометками — было видно, что владелец провёл с ней немало времени. Почерк был Тан Жуй, но книги принадлежали его сестре — об этом Тан Юйхуэй узнал много позже.

В доме Юй было три кабинета: один у Юй Чжэнцзэ, один у Тан Жуй, и общий, который отдали Тан Юйхуэю, когда он подрос. Эта энциклопедия пылилась в тёмном углу книжного шкафа Тан Жуй. Маленький Тан Юйхуэй не понимал почему, но интуитивно скрывал от матери свою находку. Когда родителей не было дома, он тайком пробирался в кабинет и часами напролёт с упоением читал энциклопедию.

Он ненавидел математические задачи от Юй Чжэнцзэ и ненавидел непонятную физику. Это было слишком сложно, а если у него не получалось, родители расстраивались. Мир энциклопедии, напротив, был прост и интересен: белые медведи были пушистыми и милыми, у ДНК имелась прекрасная двойная спираль, а огромная Земля оказалась лишь незаметной звёздочкой во Вселенной. Энциклопедия была большой и толстой, и до того, как Тан Жуй его застукала, Тан Юйхуэй успел прочесть её множество раз.

Ещё до средней школы малыш Тан Юйхуэй, едва достававший до столешницы, гордо цитировал научные факты. Лучше всего ему давались определения: радуга — оптическое явление, окислительно-восстановительные реакции — перенос электронов, а облака — красивые скопления в атмосфере, образующиеся при конденсации водяного пара. Позже, когда в учебниках, на выставках и даже на приборах Тан Юйхуэй видел множество впечатляющих метеорологических карт, он мог слово в слово воспроизвести то первоначальное определение из энциклопедии:

— Видимое атмосферное явление, скопление мельчайших капель воды или кристаллов льда, образующихся при конденсации водяного пара или мельчайших ледяных кристаллов, возникших в процессе сублимации.

— Что ты сказал? — спросил Кан Чжэ, не снимая шлема.

Тан Юйхуэй не заметил, что произнёс это вслух. Он рассмеялся, прищурился, и крикнул:

— Я сказал, гони быстрее, а то не догоним!

— Кого не догоним? — недоумённо спросил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй ничего не ответил, лишь беззвучно произнёс: «Тебя... тебя».

Он думал, что если бы облака обладали сознанием, они бы точно зафиксировали его декларацию симпатии, а возможно, и любви к Кан Чжэ. Это было похоже на то, как конденсируется насыщенный водяной пар и молекулы притягиваются друг к другу — Тан Юйхуэй боготворил в Кан Чжэ и его физическое воплощение, и его душу, одинаково лёгкие и прекрасные. Он давно уже преклонялся перед ним, давно любил, это было сродни незыблемому закону вселенной. Раз уж его так тянуло к морю облаков, ему было предначертано утонуть в этой свободе — чтобы пролиться ливнем или озариться солнцем.

Когда Кан Чжэ привёз Тан Юйхуэя к подножию горы, обряд давно начался, церемония шла полным ходом. Запыхавшись, Тан Юйхуэй взобрался вместе с Кан Чжэ на вершину и увидел многолюдное собрание тибетцев. Наверху был возведён простой алтарь — груда камнейс вонзёнными в неё стрелами. Кан Чжэ сказал, что по-тибетски это называется «лацзэ» — «мишень для стрел» или «божественный дворец».

— А что он символизирует? — шёпотом спросил Тан Юйхуэй.

— Это обитель духов, — ответил Кан Чжэ.

Сложно сказать, почему в тот момент, когда Кан Чжэ договорил, Тан Юйхуэй ощутил глубокий внутренний трепет. Глядя на неподвижную грудку камней, он почувствовал, будто его сердце и лёгкие пронзил безмолвный, священный поток воздуха. Звуки читаемых сутр вдруг стали оглушительно громкими, сливаясь с дыханием гор. Небо было непорочно ясным, а солнечный свет стал ласковым, гладким орудием, беззвучно рассёкшим мысли и чувства.

Внезапно Тан Юйхуэй встретился взглядом со старцем в простом монашеском одеянии. Тот стоял в центре, у лацзэ. У него были мудрые, сострадательные глаза, отполированные временем до мягкого свечения всеобъемлющей любви. Под этим взглядом Тан Юйхуэй охватила глубокая, безмолвная печаль. Возможно, старик смотрел на него только мгновение, но шум в душе Тан Юйхуэя стал оглушительным.

В центре круга, образованного людьми, зажжённые сосновые ветви рождали неторопливый белый дым. Высокогорное солнце заливало его золотом, превращая в сияющую ленту — настоящую реку, устремлённую в небеса, к облакам. Кан Чжэ ещё вчера предупредил Тан Юйхуэя, что этот ритуал называется «вэйсан»: дым от горящих ветвей сосны и кипариса очищает от скверны, и в этой туманной вуали являются божества.

Скорбное пение, бьющее по барабанным перепонкам, и вьющиеся, словно дым, непонятные Тан Юйхуэю сутры вошли в резонанс. Он закрыл глаза, и в его сознании возникло размытое лицо Кан Чжэ, являвшееся ему в бесчисленных снах. Он с улыбкой посмотрел на него, и ласковый голос произнёс: «Я не хочу, чтобы ты меня помнил».

Тан Юйхуэй смотрел сквозь эту безбрежную пелену и тихо размышлял: почему божества непременно нисходят в этой облачной, призрачной дымке? Если в следующей жизни он станет растением, увидит ли он в миг, когда догорит дотла, тот самый свет, ради которого сжигают тела? При этой мысли тонкий, словно лента, серый дым окрасился в знакомый ему цвет холодной воды и собрался в небесные острова. Тан Юйхуэй понимал: это не его религия, это лишь украденная им на краткий миг вера. Но, возможно, теперь он всю жизнь будет следовать за этим напевом, преследуя тот синий свет.

По окончании торжественной церемонии Кан Чжэ повёл Тан Юйхуэя вниз с горы. Тан Юйхуэй всё ещё находился под впечатлением от захлестнувших его эмоций.

— Тот старый монах, что проводил ритуал... — рассеянно проговорил он.

— Это мой дед, — ответил Кан Чжэ.

Тан Юйхуэй резко повернул голову и уставился на него.

— После смерти бабушки мой дед почти постоянно живёт в монастыре, — равнодушно пояснил Кан Чжэ. — Я редко его вижу.

— А... вот как... — медленно протянул Тан Юйхуэй.

Кан Чжэ взъерошил его волосы.

— Что такое?

— Ничего, — Тан Юйхуэй покачал головой. — Не знаю почему, но когда я увидел его, почувствовал странную печаль.

Кан Чжэ усмехнулся.

— Он очень строгий. Но такой ребёнок, как ты, ему бы, наверное, понравился.

Оставив толпу позади, вместе с солнцем они спускались по склону горы. Близились сумерки. Хотя Кан Чжэ редко проявлял эмоции, Тан Юйхуэй казалось, что сегодня у него на удивление хорошее настроение. У подножия горы, недалеко от оставленного мотоцикла, Кан Чжэ спросил:

— Пройдёмся?

Тан Юйхуэй кивнул и пошёл за ним по пустынному шоссе. Ветер, гулявший между степью и дорогой, создавал ощущение ирреальности, будто время остановилось. Сумерки на высокогорье были такими же знойными. Солнце обжигало кожу Тан Юйхуэя, ему казалось, что он теряет связь с внешним миром.

— Мне кажется, сегодня я слышал зов, — тихо произнёс он.

Эта странная и высокопарная фраза не вызвала смеха у Кан Чжэ. Он шёл впереди, но теперь обернулся и легко бросил:

— Правда? И что же он тебе сказал?

— Не знаю, — так же тихо ответил Тан Юйхуэй. — Но чувствую, что это связано с тобой.

Он хотел сказать, что никогда раньше не верил в подобные вещи, но невольно выдал правду. Прежде слишком отвлечённые, метафизические концепции казались Тан Юйхуэю абсурдными, но теперь он начал подозревать, что сама реальность по своей сути абсурдна.

— Кстати, — слова сорвались с языка сами собой, — я нашёл работу волонтером в школе. Сегодня мне пришёл ответ.

Миг абсурда прервался и, возможно, теперь всё станет ясно. В этот момент Тан Юйхуэй с пронзительной ясностью увидел, как свет вокруг Кан Чжэ стремительно померк. Облако, приплывшее с другой стороны склона, заточило его в рамку безразличной тени. Очертания человека в этой тени были неразличимы, но голос звучал очень спокойно:

— Зачем? Ты же знаешь, я этого не хочу.

Словно замерший в клетке света, стараясь держаться как можно дальше от тени, Тан Юйхуэй тихо произнёс:

— Но я хочу этого.

— Не меняйся ради меня. Не жертвуй собой, — сказал Кан Чжэ. — Я ненавижу выбирать, и быть выбранным — тоже. Ты должен понять. Не взваливай на меня бремя своих стараний. Это слишком утомительно. Я этого не хочу.

— Но я останусь только до летних каникул. До начала лета я точно уеду, — медленно проговорил Тан Юйхуэй. — Я не прошу у тебя ничего взамен и делаю это по доброй воле.

Кан Чжэ молча смотрел на него. Спустя долгое время он усмехнулся:

— Лжец.

Тан Юйхуэй сделал шаг и переступил границу тени. Какую же пропасть он преодолел этим шагом... Словно попал на изнанку бытия, недостижимую для света. Он обнял молчаливую одинокую тень.

— Да, я лгу. Ты мне нравишься, очень сильно нравишься. И что мне теперь делать?

Замерев на мгновение в тишине, Кан Чжэ в ответ притянул его к себе и невесомо коснулся губами его волос.

— Я не знаю. Ты не стал для меня откровением. Но я, наверное, из тех, кто не замечает чудес.

Пока они шли пешком до гостиницы, опустилась ночь и мириады звёзд засияли в безмолвном великолепии. Щёки Тан Юйхуэя днём пылали от солнечного жара, а теперь, с приходом тьмы, стыли под порывами холодного ветра. Кан Чжэ поравнялся с ним.

— Холодно?

Тан Юйхуэй не хотел с ним говорить — а главное, не знал, что сказать, — лишь покачал головой. Они словно упали на дно колодца мироздания: звёзды над их головами сияли ослепительной россыпью, но эта безмерная красота не приносила радости. Иссиня-чёрный мрак ночи непременно будет разбавлен рассветом, но вечный покой звёздного неба неизменно обращён к ним своим молчаливым взглядом.

Кан Чжэ, больше ничего не говоря, молча шёл с ним бок о бок и вдруг остановился. Он стоял под сводом сияющих звёзд, безмолвно взирая на Тан Юйхуэя. Мгновение спустя он промолвил:

— Подойди.

Тан Юйхуэй обернулся и с лёгким недоумением посмотрел на него. Кан Чжэ нашёл в траве у обочины ветку и, не говоря ни слова, провёл длинную линию поперёк дороги. Он стоял по ту сторону черты, взирая на призрачное, обманчивое чудо, и молил лишь о том, чтобы оно, угасая, не обратилось в едва заметный огонёк.

— Иди ко мне, — тихо повторил Кан Чжэ.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130180>